

Тимур МАКСЮТОВ

КНЯЗЬ
ИЗ ДЕСАНТУРЫ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М17

Серия «Попаданец»
Выпуск 3

Оформление обложки Айрата Аслямова

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

М17 Максютлов, Тимур Ясавеевич

Князь из десантуры: роман / Тимур Максютлов. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленин-
град», 2016. — 416 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-097418-4

Всё было не так. Учебники истории врут. Бог давно устал от проекта «Человечество». Да, оно уже погибало — в Древней Индии. В атомном пламени. Но вновь и вновь ОНИ рвали гнилую ткань Времени, возвращались назад — и пытались всё исправить.

Всё было совсем не так... И пировали стервятники на огромных пространствах Великой Степи, когда девять из десяти дружинников погибли в битве на Калке. Когда Русь лежала перед верными псами Чингисхана — беззащитная, беспомощная, обречённая... Кто спас её? Кто не дал начаться игу на пятнадцать лет раньше, в 1223 году, а не в 1237-м?

Золотой конь. Холодная сталь. Верные друзья. Бескрайняя степь. И судьба Родины, зависящая только от тебя.

Ты будешь пытаться снова и снова.

Переделать прошлое, чтобы изменить будущее.

Пока не поймёшь:

ВСЁ ДЕЛО В НАСТОЯЩЕМ.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-097418-4

© Тимур Максютлов, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пусть шторм! Домчимся, грянем парусами,
Сквозь бурю — пусть!
Страна берёз осталась за плечами,
Моя Парусь...

Борис Лок

Пять их, а не четыре.
Конь бел, конь рыж, конь ворон, конь блед,
и пятый — конь злат!

Инок Варфоломей

Пролог, написанный авансом

Пламя гудело и выгрызало в ночном небе куски. Швыряло горстями искры, равные по яркости звёздам. Нахальные огоньки пытались вцепиться в чёрное сукно, но быстро сгорали и опадали никчёмным пеплом.

Звёзды презрительно не замечали выскочек. Равнодушно взирали на пылающий город, на заваленные трупами побеждённых кривые улочки, на пьяных от чужой крови победителей.

Где вы, храбрые венгерские рыцари? Раки доедают ваши пронзённые монгольскими стрелами тела, устлавшие дно реки Шайо.

Где ты, славный король Бэла? Знаешь ли, что твой город Загреб сейчас превращается в пепел? Готовишь ли отпор азиатским полчищам? Или, растерянный и испуганный, прячешься с горсткой придворных в горах Далмации?

Пленных сортировали на берегу Савы. Женщины, простоволосые и босые, боялись кричать, когда грубые руки воинов вырывали их из толпы. По-хозяйски ощупывали, словно скотину на рынке, сдёргивали с шей мониста. Юная девушка, замешкавшись, не успела вынуть из ушей серёжки — выдрали с мясом. Пожилой бритоголовый боец сморщился от визга, дёрнул за тонкую шею так, что хрустнули нежные позвонки. Опрокинул в грязь, наступил сапогом на спину, завёл назад хрупкие руки. Скрутил замызганным сыромятным ремнём сведённые вместе локти. Вздёрнул за косы, легко поднял. Поставил, шатающуюся, на ноги.

По разбитому лицу девушки стекали чёрная жижа, кровь и слёзы. Бритоголовый сплюнул:

— Тьфу ты, худая, как весенняя овца.

Приятель захохотал:

— Тебе в самый раз. Жене привезёшь помощницу, кизяки собирать, ха-ха-ха! К такой тощей и ревновать не будет.

Боец счастливо улыбнулся щербатым ртом, сощурил и без того узкие глаза. Далеко до родной кибитки, год пути на восток. Далеко...

Пленным мужчинам рубили головы на скользком глинистом берегу, сталкивали тела в воду. Чёрная кровь хлестала из обрубленных артерий, смешиваясь с чёрной ночной рекой. Сава скроет их, обмоет тела и оплачет. Принесёт раздувшиеся трупы отцу — Дунаю. И будут рыбаки из прибрежных деревень тянуть тяжёлые сети со страшным уловом, в ужасе бросать их, грести изо всех сил к берегу и креститься...

Весной 1242 года от Рождества Спасителя нашего пришла беда, которой Европа не видела со времён гуннов Аттилы. Неведомые монголы из самого сердца азиатских степей вели свои железные корпуса на запад, а в них — лучшие воины из десятков народов: половцы, болгары, аланы, русичи...

Крыша кафедрального собора прогорела насквозь и рухнула вниз, выбросив в небо громадное облако огня. Кони испуганно присели от дьявольского грохота.

Кучка монахов растерянно жалась друг к другу, вжимая головы в плечи от ржания лошадей, хохота захватчиков и предсмертных криков казнимых. Кто шептал молитвы на латыни, кто мелко крестился. К толпе подошёл невысокий широкоплечий воин в заляпанной кровью кольчуге. Охранявшие монахов смоленские ратники засуетились, зашикали на пленных — заткнитесь, мол, начальник идёт.

Широкоплечий содрал необычную зелёную шапку с длинным полотняным назатыльником. Взлохмаченные

светлые волосы торчали слипшимися от пота кустиками. Подбирая трудные слова, спросил на латыни:

— Кто старший?

Монахи замерли. Бледный от страха, из толпы выбрался высохший старичок. Вытер вспотевшую тонзуру, пробормотал:

— Я — аббат Марк, мы бенедиктинцы. А настоятель собора остался там, внутри.

— Что же вы, слуги божьи? Говорили вам по-человечески — сдавайтесь, тогда не тронем. Эх! — светловолосый скривился, поглядел поверх испуганных тонзур на догорающие стены.

Марк рухнул на колени, истово забормотал молитву. Монахи нестройно, будто овечье стадо, подхватили, заблеяли.

Начальник хмыкнул:

— Ну-у-у, запели. Раньше надо было молиться. Поднимите его, — кивнул ратникам.

Воины подскочили, подхватили под локти аббата. Ноги Марка не держали, подламывались, глаза побелели и невидяще уставились в бурые сгустки на кольчуге светловолосого.

Блондин кашлянул и торжественно заговорил:

— Согласно Ясе отца нашего Чингисхана, нельзя причинять вреда слугам веры, ни имуществу их, ни жёнам их. Так, последнее не вам, откуда же у вас жёны, у убогих. Дома богов следует почитать, не используя храмы для постоя воинов и не ломая, и не грабя. Понятно? А вы тут устроили... На что надеялись-то? Мы, считай, уже две трети земной тверди прошли, и никто против наших сабель не устоял. Дурни.

Светловолосый плюнул под ноги, махнул рукой. Приказал смолянам:

— Утром отпустите их на все четыре стороны. Пока ночь — не надо. Прибьёт ещё кто, в темноте не разберёт, что монахи.

Марк забормотал что-то благодарное, оттолкнул ратников, подполз к блондину, пытался целовать сапоги...

— Ну всё, всё. Обслюнявишь сейчас всю обувку, — засмеялся широкоплечий. Поднял аббата за плечи, встряхнул: — Больше не попадайтесь. Во второй раз может и не повезти.

Из толпы выбрался молодой бледный монах, склонился в почтительном поклоне:

— Милосердный сеньор, у меня послание для вашего командира, Рыцаря Солнца.

Уже собиравшийся уходить блондин остановился. Спросил у аббата, а не у молодого:

— Это ещё кто?

— Сеньор, это не наш, — заторопился Марк, — прибыл лишь три дня назад, посланник великого магистра ордена тамплиеров Армана де Перигора, брат Жозеф. У нас отдыхал от трудного пути, чтобы проследовать далее, в Вену...

Широкоплечий вздрогнул:

— Как ты сказал? От магистра тамплиеров?

Приказал Жозефу:

— Следуй за мной, монах.

Повернулся и быстро пошагал прочь от растерянного аббата Марка и его дрожащей братии.

Жозеф лишь на секунду задержался, нащупал зашитый в подкладку плаща пергамент. И рванулся вслед за светловолосым.

Ночной ветер, пропахший горьким дымом пожара и запомнивший хрипы умирающих, потянулся на запад — к Адриатике.

И дальше.

Он будет зловеще гудеть над крышами римских соборов, над баронскими замками Германии и узкими улочками Парижа.

Европа в ужасе замерла. Понимая, что защититься от стального вала с востока — не в силах...

Глава первая

КАМЕННАЯ БАБА

У «дедушки» в армии — свои преимущества. Между прочим, вполне заслуженные. И пока более молодые товарищи роют окопы и наводят порядок в летнем учебном лагере, можно поваляться на солнышке.

Димка Ярилов угостил сигаретой друга — Сашку Мязина и продолжил рассказ:

— А мой дед, Константин Александрович, между прочим, профессором был и в петербургском университете преподавал. И меня думал для науки воспитать. Даже латынь заставлял учить. Хотя кому она нафиг нужна? Кто её вообще помнит, кроме медиков?

— Была у меня одна, из мединститута, — поддержал Мязин, чтобы сказать хоть что-нибудь. Вообще-то его часто удивляло умение приятеля вернуть непонятную цитату или заявить что-нибудь типа: «А чего напрягаться, Саня? Чтобы увеличивать мировую энтропию?»

Вот совершенно непонятно, что сказал. Но напрягаться после такого действительно не хочется.

Однако всё же пришлось вставать и идти на построение. Командир парашютно-десантной роты, капитан Николай Асс, по кличке «Гвардия», раздражённо шёл вдоль строя, поглядывая на загорелых, улыбающихся и радующихся жизни бойцов.

Кличку свою ротный получил за то, что из всех положенных ему наградных планок и побрякушек признавал только знак «Гвардия», спасший хозяина когда-то от

смерти. От касательного удара осколком знак прогнулся вовнутрь и напрочь утратил центральную красную звезду.

Капитан Асс принялся и мрачно заметил:

— Вы чё лыбитесь, как параши, а? Думаете, на курорт приехали? Перегаром от вас несёт — страшно спичку зажечь, чтоб не взорваться к ребятам. Сегодня в палатку второго взвода ночью зашёл — пять коек пустых! Где вы были, я спрашиваю? Мы сюда приехали, чтобы вы занимались боевой учёбой, а не в посёлок бегали девок портить и винище местное жрать. Я вас научу Родину любить, раздолбай! Вы у меня на дембель поедете худые и звонкие, а не раскабаневшие, как депутаты Госдумы. С сегодняшнего дня буду лично проверять все значные места в посёлке. Если кого поймаю — пеняйте на себя. Разойдись!

— Как думаешь, Гвардия врёт, что будет нас в посёлке ловить? — спросил Димка.

Мязин пожал плечами:

— Да кто же его знает? Если шлея под хвостом — так, может, и попрётся. А тебе чего?

— Хотел сегодня туда за водкой сбежать. Повод есть.

— И что за повод?

Ярилов ответил не сразу.

— У деда сегодня годовщина смерти. Три года. Я же родителей своих не помню, меня дедушка растил.

— Сирота, значит, — подытожил Мязин. Сказал без сочувствия или какой-то окраски, просто констатировал факт.

Дима сделал вид, что его не зацепило равнодушие товарища. Сегодня настроение было особенно хреновым. И даже в заветном карманном календарике Ярилов с утра не стал зачеркивать крестиком очередной день, приближающий к дембелю. Там, в Питере, его никто не ждал.

Хотелось уткнуться в дедушкину старую клетчатую рубашку. Почувствовать знакомый с детства особенный запах воска, старых книг и сердечных капель.

Мязин понял, что приятель нуждается в поддержке. Нарочито бодро сказал:

— Ну, друзья же остались, девчонки. Дембельнёшься — и всё будет путём.

— Да какие друзья, — махнул рукой Димка, — так, приятели из университета. Один мне своими руками татуху набил, на память. Как раз перед тем, как я сессию завалил.

— Восстановишься, — беспечно сказал сержант. — Вам, питерским, прёт с рождения. А ты тем более рыжий. Рыжие — они везучие. Кстати, что за татуха? Покажи.

Дима расстегнул куртку. Слева, над сердцем, пылал солнечный диск, внутри которого приготовилась к нападению кобра. Мастер смог передать в татуировке напряжение змеиного тела, холодный огонь в глазах пресмыкающегося... Сбоку столбиком были набиты незнакомые, странные буквы.

— Зачётная татуха, — заметил Мязин, — надпись по-китайски?

— Нет, — ответил Ярилов, застёгиваясь, — кажется, по-тибетски. Что-то про войну со временем, которое пожирает солнце и человеческие жизни. Не помню точно. А мастер этот потом пропал куда-то, не переспросить...

— Ладно, — Мязин затушил окурок, поднялся на ноги. — Пойдём, а то лейтенант Дыров там обыскался уже нас, наверное. А в посёлок спокойно сбегает, не будут они никого ловить.

* * *

«Уазик» ротного лихо притормозил, подняв тучу пыли. Капитан Асс и лейтенант Дыров выбрались из раскалённого нутра, поднялись на крыльцо кафе «Лебёдушка» — центра культурной жизни шахтёрского посёлка.

— Это ты, Коля, правильно придумал, — взводный Дыров продолжил начатый ещё в машине разговор, — засаду здесь, в кафе, устроить. Если наши раздолбаи попрутся в посёлок на гулянку, то точно мимо не пройдут.

— А то, — заметил Асс, — у меня же стратегическое мышление. Мне вообще место в Генштабе, да только начальство ходу не даёт.

— Почему? — удивился Дыров.

— Завидует, — рассмеялся Асс.

Внутри пустого, замызанного помещения было чуть прохладнее, чем на улице. Пока Дыров рассматривал написанное от руки меню, Асс пытал буфетчицу в бывшем белом халате, подозрительными пятнами навевавшем размышления то ли о забойном цехе мясокомбината, то ли о кабинете стоматолога-садиста.

Капитан наседал:

— Так приходят солдатики к вам сюда? Какие, когда? Узнаёте кого-нибудь?

Асс протянул буфетчице смартфон с фотографиями подчинённых:

— Этот был? Или, может этот, Мязин его фамилия?

Буфетчица лениво глянула в экранчик, плавно махнула рукой:

— Ой, да разве же кого упомнишь? У меня память-то девичья! — и прокуренно рассмеялась.

Капитан понял, что толку не добьётся. Серdito сказал:

— Мы тут по службе, а не от балды. Будем сидеть, пока не придёт кто-нибудь.

— Да и сидайте, хлопчики, — обрадовалась хозяйка, — я пока пивка вам налью. Или водочки сразу? Графинчик, из холодильничка, поллитра?

— Но-но! — строго поглядел на неё Асс. — Мы при исполнении. Максимум — триста граммов!

— Да як скажете, — легко согласилась хозяйка. Выскочила из-за стойки; ловко сдёрнула со столика скатерть неопределённого цвета, стряхнула прямо на пол крошки, перевернула и снова расстелила, разглаживая широкими ладонями. Пригласила: — Сидайте, сейчас всё будет!

— Всё будет, — задумчиво повторил Дыров. — Всё, кроме счастья и любви.

* * *

К вечеру над посёлком нагнало фиолетовые, беременные влагой тучи. Такие низкие, что казалось: сейчас они распорют себе брюхо о трубу поселковой ГРЭС и вывалят тонны воды на пересохшую от жары землю. Было душно, вдалеке погромыхивало.

Асс и Дыров, поддерживая друг друга, выбрались на крыльцо «Лебёдушки».

— Хорошие у нас бойцы, дицилипри... диспиц... Хорошие, короче, — заметил Дыров. — Так никто и не пришёл в кафе-то.

— Это да, — согласился капитан, — молодцы. А всё почему? Потому как воспитываем. И-и-и... И в том числе личным примером.

— Пример-то у нас Медведев. Пример-министр-р-р, — невпопад вставил лейтенант. И пошёл, шатаясь, к «уазику».

— Погодь! — остановил его ротный. — Погодь, пьяными не поедем. Нельзя за руль пьяными. Пошли пешком, тут пара километров.

— А и пошли, — легко согласился Дыров, — проверимся заодно. Только под грозу бы не попасть. Вот так срежем, — и рубанул воздух ладонью, показывая направление.

— Правильно показываешь? — засомневался Асс. — Не заблудить бы.

— Блуд — это грех, — заметил Дыров, — с блудом у меня напряжёнка. Не любят меня, сучки. Хотя вот если скажем, например, про эту буфетчицу...

— Я говорю — дорогу-то найдём? — вернул на землю приятеля ротный.

— Конечно! — твёрдо сказал лейтенант. — Там же ориентир. Каменная баба на пригорке. До неё доберёмся, а потом направо — и в лагерь. Мимо бабы не пройдём.

— Ты, как чуток выпьешь, так мимо ни одной бабы не пройдёшь, — осуждающе покачал головой ротный. — Ладно, двинулись.